

Мила Мираж

16+

Другая Осень

Истории для размышления

Мила Мираж
Другая осень

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мираж М.

Другая осень / М. Мираж — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Считается, что осень - это "золотая пора, очей очарованье", жёлтые листочки, уютные пледики и прочая ванильная чушь. Наверное, именно поэтому мне захотелось создать свою альтернативную, другую осень. Этот сборник встретит вас мелко морозящим сентябрьским дождиком, за пеленой которого мерещатся призраки. Октябрь ознаменуется появлением в нашем мире новой ведьмы, а первый снег ноября укроет ночное кладбище. Эти истории написаны для внимательного и проницательного читателя, в них есть о чём поразмыслить на досуге. Надеюсь, вам понравится.

Содержание

Предисловие	5
Сентябрь. Только в дождь. История Призраков	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мила Мираж

Другая осень

Предисловие

Дорогой друг! Перед тобой моя проба пера, написанная в рамках осеннего марафона литературного клуба «Щеглы». К слову, это открытый клуб, и я всех желающих приглашаю присоединиться!

Когда только начинаешь историю, то не знаешь, куда она тебя приведёт. Автор лишь приблизительно представляет себе, чем история начнётся, и весьма смутно предчувствует, как она будет развиваться, а уж чем закончится – то и по давню писателю неведомо. Но тем и хорошо творчество, что происходит как бы само собой! К моему величайшему удивлению, эта дорожка завела куда-то к призракам и ведьмам, а также к размышлениям о жизни и смерти, как бы пафосно это ни звучало. Теперь же я предлагаю и тебе, дорогой читатель, задуматься о важном, погрузившись в атмосферу другой осени. Приятного чтения!

Сентябрь. Только в дождь. История Призраков

– ...были и другие, кто видел её. Но всегда только осенью и только в дождь, такой, знаете, мелкий и морозящий дождик, какой бывает обыкновенно в сентябре, – закончил свою мысль гид и, оглядевшись по сторонам, прибавил: – как раз такой, глядишь, вот-вот начнётся. Как думаете, повезёт нам сегодня её встретить? – спросил он и рассмеялся, довольный тем, что вплёл дурную погоду в канву своего повествования. На том экскурсия и закончилась.

Довольные, люди не спешили расходиться, обсуждая только что услышанные сплетни примерно столетней давности. Я же, почему-то, прониклась лишь одной историей, той самой, последней. Мне казалось, что я будто бы вижу эту картину: ранние осенние сумерки, дождь тихонько накапывает, гулким стуком играя по крышам, греются у печки рабочие, счастливые, что сменили землянки и бараки на приличный деревянный дом. Пьют чай, а может – что покрепче. Внезапно стук в окно. Один из них подскакивает, подходит – кто там пришёл? А там никого. Все удивляются, кто-то в раздражении говорит, что это проделки детей, кто-то считает, что стук им только послышался, а на самом деле это лишь капли дождя бьют по стеклу. Но история повторяется изо дня в день. И вот, кто-то нарочно садится у окна, чтобы успеть углядеть того, кто стучит. Наградой ему становится бледная тень, спешно отлетающая в сторону, растворяющаяся в пелене дождя.

Об этом я думала, засыпая. Казалось бы: городская легенда о призраке, что может быть банальнее? Но почему-то она не давала мне покоя. В ней слышались нотки чего-то, что я пока что не могла уловить: восточная сказка, побег из гарема, надежда на новую жизнь в новой стране, где другие люди, другие нравы. Бегство в иной мир. Что было с ней там, на родине, дома? Вряд ли там было что-то хорошее, раз она решилась сбежать с малознакомым человеком на другой конец света, в страну холодов.

Или же всё было с точностью да наоборот. Промелькнула та самая искра, о которой так часто пишут в романах, возникла любовь, ради которой не страшно бросить всё: хорошее положение, беспечную сытую жизнь, семью и горячо любимую родину. И даже смириться с переездом можно, как-то приспособиться и жить в новой, чуждой стране, лишь бы быть с ним.

Я размышляла об этом, разглядывая блики света на потолке, и моим мыслям вторил дождь за окном. На следующий день я зачем-то вернулась туда. Затем снова и снова, как будто бы этот дом меня притягивал.

Маленький и уютный, украшенный изящной резной башенкой в восточном стиле, он был построен специально для неё. Кто бы мог подумать, что этот крошечный рай, гнёздышко, столь заботливо свитое для любимой, обернётся тюрьмой? Я стояла на улице и вглядывалась в окна, силясь понять, каково это, смотреть оттуда изнутри наружу, наблюдать, как зима сменяется весной, как тают снега и чирикают птички, отогревшиеся первыми лучами солнца, и знать, что ты никогда не сможешь к этому всему приблизиться? Что это такое жить, понимая, что ты никогда не выйдешь наружу и не узнаешь ничего, что есть за пределами этого дома, этого вида из окна?

И что должна была чувствовать эта девушка, когда он приходил домой, когда тот, кто должен был стать освободителем, стал новым тюремщиком? И тосковала ли она по своему первому мужу и прежней жизни в далёкой Персии, мелькала ли в её голове мысль, что там, на родине, в гареме, всё было то же самое, за тем лишь исключением, что там, она была в окружении других жён-подружек, а тут осталась одна-одинёшенька?

А временами мне казалось, что я накручиваю. Возможно, что это было самое счастливое время в её жизни, полное любви и радости, а погибла она от какой-то случайности, от болезни, к примеру. Но затем я качала головой, улавливая фальшь этой утешительной мысли. Ведь экскурсовод сказал всё ясно: приказ вернуть беглянку на родину, чтобы избежать дипломатиче-

ского скандала, нескончаемые обыски полиции, предосторожности, переросшие в паранойю, затворничество и, наконец, гроб посреди гостиной. Это его история. Любовь загнала его в могилу буквально. А её? Где её конец, чем обрывается столь неудачно сложившаяся жизнь? Неизвестно, тело так и не нашли.

Я и сама не заметила, как стала одержима этой историей, её историей. Снова и снова приходила я на это место и думала о ней. И всё чаще – вечерами, и всё чаще – в дождь. Однажды на город опустился туман, что случается крайне редко, и мне показалось, что в этом есть какое-то предзнаменование, что вот сейчас-то я её, наконец, увижу. В тот вечер я провела несколько часов на улице, стараясь уловить шевеление чего-то белого, бесплотного.

Стоит ли говорить, что мои старания были напрасны? Я лишь продрогла до костей, да промокла, когда туман сменился тем самым мелко морозящим дождиком. Вернулась домой поздно, а наутро проснулась больной.

Не стала звонить родным, не захотела беспокоить, лишь предупредила на работе, что не выйду в ближайшие дни. В дурном моём состоянии плохо спалось, а мысли путались. Весь день я пролежала в кровати, погружённая даже не в размышления, а какие-то смутные ощущения, размытые образы. А дождь за окном шелестел, далеко унося мой и без того потерявшийся разум. Мне мерещилось мерцание золота на расшитых тканях, слышалось журчание воды в фонтанах, чудились пряные запахи, каковых в моей квартире отродясь не бывало.

Это зыбкое марево сморило меня, погрузив в чуткий, неверный сон. В том сне была ночь, блёкло освещённая лишь облачным лунным небом, и в темноте что-то копошилось, возилось, тяжело дышало. Приглядевшись, я с трудом различила смутные очертания каких-то невысоких строений и деревьев. Почему-то я стояла с ведром, беззвучно подзывая кого-то одними лишь жестами. Пыхтение сменилось слабым цоканьем коротких коготков по дереву, и на крыльцо поднялись несколько собак. В них чувствовалось напряжение, боязливая настороженность. Если бы я была собой, то непременно бы убежала, но во сне я была кем-то другим. Этот кто-то поставил ведро на землю и достал из него какой-то кусок, мягкий и влажный, и протянул его в темноту. Собаки явно откликнулись на этот жест: подошли ближе и стали принюхиваться. Внезапно ночную тьму прорезал тонкий и жалобный звук: один из псов заскулил. Другой, напротив, зарычал как-то низко и злобно. Казалось, что вот-вот разразится громогласный дружный гвалт, но тот, который был мной, вернее, внутри кого находилась я, шикнул на животных, топнув ногой и пригрозив кулаком; те притихли. А он решительно схватил за загривок одну из собак и насильно стал совать ей в морду мягкий кусок, к тому времени уже ставший холодным и липким. Посопровтивлявшись немного, она всё же сдалась: сначала лизнула, затем ухватила зубами и отошла в сторону. Постепенно её примеру последовали другие псы. Он же принялся доставать эти куски из ведра, один за другим, и кидать их во тьму без разбора.

Собаки сопели, подвывали и причмокивали, зубами вгрызаясь в добычу. А я рыдала, но беззвучно, загнанная в чужое тело, словно в клетку; он тоже плакал, шёпотом приговаривая странные слова: «мано бебахш». Когда ведро было опустошено до дна, он в бессилии упал на крыльцо, свернулся комочком, как беспомощный младенец, и стал царапать себе лицо. Каким-то образом я узнала, ощутила, что он испытывал: то была слабая надежда околоть прямо тут, на этом самом крыльце, беззвучная молитва о том, чтобы уснуть и не проснуться.

Я же проснулась дома. Меня трясло, руки и ноги были холодны, хотя обогреватель работал на полную мощность. Моим первым желанием было перебраться к родителям, чтобы не быть одной. Но, поразмыслив, я пришла к выводу, что эту беду, пожалуй, можно накликать и на других, а значит, для моей семьи будет безопаснее без меня. Подремав днём, я внутренне приготовилась к продолжению.

И оно последовало. На этот раз мы находились в комнате, которую я сразу же узнала по пяти узким стенам эркера: мы были внутри дома с резной башенкой. Он сидел в кресле и дремал, рассеяно оглядываясь. Богатая обстановка поразила меня: пушистый узорчатый ковёр,

бархатные шторы расшитые золотом, резные вазы с павлинами и розами. Приглядевшись, я заметила, что шторы плотно закрыты, а комната освещена множеством свечей. В этом мягком полумраке было жарко и даже несколько душно. Я слышала, как уютно потрескивали дрова. Этот звук смешивался с барабаниющими по крыше и стёклам каплями дождя в причудливую, убаюкивающую мелодию. Внутренне я обрадовалась: неужели в эту ночь ничего страшного не случится? Всё казалось таким благополучным, таким добротным, обустроенным, домашним.

Наконец он встал и прошёл в угол комнаты, к небольшой печке, украшенной расписной плиткой. Кочергой приоткрыл створку и забросил пару поленьев, лежавших тут же. Дрова ярко полыхнули, возвещая о тепле. Я совсем успокоилась...

А он притянул к себе ведро, стоявшее чуть поодаль, и запустил туда руку. Моё сердце мгновенно всколыхнулось дурным предчувствием: что же там на этот раз? Он достал что-то и судорожным движением кинул в жерло печи. Неприятный, едкий запах обжог обоняние; я сильно захотела зажмуриться, чтобы не видеть этого. Но мои глаза были его глазами, а он предпочёл смотреть, и, вопреки своему желанию, я разглядела их: блёклые и серые, они создавали клубы тёмного дыма. Каков же был мой ужас, когда я поняла, что это не дрова, это кости так уютно потрескивали в печи!

Я проснулась с какой-то тяжестью в груди. Мне не было холодно; в отличие от предыдущей ночи, меня не трясло. Стучали капли дождя по окнам и карнизам ночного города, но мне казалось, что это кости трещат, сгорая; работал обогреватель, но мне казалось, что тепло идёт от печи. Текли по щекам мои слёзы, но казалось, что вовсе не мои. И так оно и было, по крайней мере, отчасти. Одна ли я сейчас в своей комнате, в своём теле, или он тоже здесь, скорбит о ней со мною вместе?

Впрочем, все мои попытки почувствовать потустороннее присутствие ни к чему не привели. Да и зачем? Экскурсия ещё свежа в памяти, и было совершенно очевидно, что именно я увижу уже в эту ночь. Странно, но во мне не было ни ужаса, ни паники, ни желания как-то выпутаться из этой истории. Я смирилась и решила, что раз вижу эти сны, значит, в этом есть какой-то смысл, и мне следует его разгадать.

Итак, в третью ночь я оказалась в той же комнате, что и во вторую. Вот только на этот раз не было ни стола с расписными вазочками, ни пушистого кресла; лишь скромный тёмный гроб одиноко стоял посредине. Я долго смотрела на него, а затем медленно подошла к нему и забралась внутрь. Только тогда я сообразила, что это не я, что это он ложится в гроб. Вот он достал какую-то скляночку – яд, конечно же. Но скажи же хоть что-нибудь, дай подсказку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.